

А.В.Чернецов

Москва

СТЕФАН ПЕРМСКИЙ: ИСТОРИЯ И ЛЕГЕНДА

В контексте средневековой истории культуры русского и коми народов исключительная деятельность Стефана Пермского характеризуется в ранних письменных источниках весьма фрагментарно. При этом неполной отмечена не только историческая традиция о самом Стефане Пермском - недостаточно ясна также история и сложения вокруг его имени литературной и легендарной традиции, история его почитания в качестве святого. Поскольку деятельность Стефана Пермского имела огромное значение для истории Кomi края, а также для утверждения влияния Москвы в обширных регионах Северо-Востока, разработка указанных вопросов представляет большой научный интерес.

Уникальная в контексте древнерусской культуры деятельность Стефана объясняется не только его исключительными личными качествами и лингвистической одаренностью. Особое внимание, оказанное древней Перми созданием письменности (в то время, как по отношению, например, к карелам или мордве такая потребность не возникла), объясняется экономическими интересами Северо-Восточной Руси, и Москвы в частности, к богатствам этого региона, своеобразной конкурентной борьбой с Великим Новгородом - традиционным номинальным повелителем этих территорий. Не случайно в 1385 г. "владыко новгородский разгневан бысть зело, како посмел Пимен митрополит дати епархия в Перме, в вотчине святей Софии и приспал дружинники воевати пермскую епархию" (Вычегодско-Вымская летопись).

Основной письменный источник для изучения жизни и деятельности Стефана Пермского - житие святого, написанное Епифанием Премудрым. Несмотря на то, что это весьма объемистый памятник, написанный к тому же современником Стефана, лично его о знали, житие небогато фактическим содержанием. Эта особенность жития обусловлена художественными вкусами эпохи, пристрастием Епифания к литературным красотам, риторике в ущерб содержанию. Житие Стефана Пермского полностью опубликовано и послужило материалом для значительного числа литературоведческих исследований. В 1473 г. по поручению великопермского епископа Филофея Пахомия Серб создает службу с акафистом Стефану Пермскому (см. рукописи Центрального Государственного

исторического архива в Санкт-Петербурге, ф. 834, оп. 1, ед. хр. № 582 и 794). Об этом свидетельствует приписка в одном из древнейших списков, а также акrostих с именем Пахомия. В составе службы имеется краткое житие Стефана - пересказ Епифанцева. Служба Стефану Пермскому, созданная Пахомием, не публиковалась; предварительная публикация имеющегося в ней краткого жития помечена как приложение к моей работе о Стефане, изданной в 1995г. Некоторые фрагменты службы Пахомия характеризуют специфические черты его отношения к Стефану Пермскому и его деятельности.

Как житие Стефана Пермского, написанное Епифанцем Премудрым, так и служба Пахомия Серба при всем их панегирическом характере не содержат обычных в агиографии чудес. Однако предания о чудесах, как непременная принадлежность народного почитания святых, должны были неизбежно появляться в связи с местным почитанием Стефана. Эти чудеса в значительном количестве появляются в местных преданиях о Стефане, записанных в позднейшее время. В данном докладе речь пойдет не об этих позднейших легендах, а о древнейших случаях фиксации подобных мотивов в ранних источниках.

Один из них, впервые введенный в научный оборот в послевоенное время, - Вычегодско-Вымская летопись XVI в. В вводном разделе текста упоминается о том, что для его создания использовалось житие Стефана Пермского. Действительно, отдельные сведения летописи обнаруживают близость тексту Епифанцева жития. Однако основная часть повествования о Стефане представляет собой особую версию, независимую от Епифания, содержащую дополнительную информацию, как исторически достоверного так и легендарного характера.

Изображения и надпись на так называемом посохе Стефана Пермского (памятник резьбы по кости, середина XV в.- ранее 1473 г.) знакомят нас с еще одной, особой версией повествования о деятельности Стефана Пермского. На посохе представлена значительная серия композиций, иллюстрирующих "действия" Стефана Пермского. Частично она совпадает со сведениями Вычегодско-Вымской летописи, частично включает эпизоды и детали, не известные по другим источникам.

В этом докладе я хотел бы остановиться в первую очередь на различиях в сообщениях этих источников, па имеющихся между ними противоречиях с тем, чтобы извлечь из этого информацию о том, что стоит за появлением как новых мотивов, так и самих памятников.

Рассмотрение содержания и истории Жития Стефана Пермского, написанного Епифанием Премудрым, показывает, что это житие было создано Епифанием по собственной инициативе и, по-видимому, никак не было связано с запросами иночествующей братии, подвизавшейся в зырянских лесах или окружения епископов пермских.

Вероятно, Епифаний предполагал, что написанное им житие может способствовать местной или общерусской канонизации Стефана, однако это житие не было составлено в рамках организационной кампании, ориентированной на прославление Стефана и его создание в обозримой перспективе не повлекло за собой канонизации. Говоря о бедности Жития Стефана Пермского фактическим содержанием, все же заметим, что именно в нем находятся сведения о происхождении и детстве Стефана, о его жизни в ростовском монастыре, отсутствующие в других, независимых от Епифания источниках.

Служба с акафистом святому Стефану, по-видимому, была не случайно создана в 1473 г. Пахомий Серб получил заказ непосредственно после таких событий, как грамота 1471 г. о снятии крестного целования на подданство Новгороду с целого ряда земель, в том числе и пермских, и военного похода 1472 г., окончательно утвердивших "Пермь" за великими князьями московскими. По-видимому, несмотря на значительное влияние Москвы в землях "Перми Вычегодской" и Великопермской епархии, притязания Новгорода и новгородских архиепископов на Пермь как на одну из традиционных "волостей новгородских" препятствовали установлению официального культа прославленного миссионера. Биографические и исторические сведения, упоминаемые Пахомием Сербом, писавшим службу в Москве, как уже говорилось, полностью восходят к житию, написанному Епифанием. Отметим некоторые характерные выражения, используемые Пахомием, отражающие его отношение к Стефану и его деятельности.

Прежде всего, Пахомий подчеркивает самостоятельный, индивидуальный характер деятельности Стефана. Он называет его "самоворитель новая грамоты", пишет о нем "самозван и ищущим тебе, святителю, обретеся...". По-видимому, Пахомий более реально оценивал сложность работы миссионера, чем Епифаний Премудрый. Он пишет: "новым людем учитель был, преславие Стефане, по апостолу всем всяк быв, да всех ко Христове вере приведени, преславие". Эти слова включают цитату из I послания апостола Павла к коринфянам (9, 19-22) - "я всем поработил себя, чтобы больше приобрести: для иудеев я был как иудей, чтобы приобрести иудеев, для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона - как чуждий закона, не будучи чужд закона перед Богом, по подзаконен Христу, - чтобы приобрести чуждых закона; для немоинных был как немоиний, чтобы приобрести немоинных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых" (ср. церковнославянский текст по Федоровской библии "всем быв вся, да всяко некия спасу"). В отличие от Пахомия Епифаний Премудрый никогда не говорит о том, что Стефану приходилось приспособливаться к уровню понятий язычников. В его передаче проповеди Стефана носят высокопарный книжный характер. Любопытно, что зырянский языческий волхв Пам - сотник приобретает под первом Пахомия

неожиданное наименование “философа” (“философа злочестива, иже па благочесте худу глаголавша...”). По-видимому, на Пахомия произвели большое впечатление речи Памы, приписываемые ему Епифанием (последний представил языческого волхва искусственным оратором).

Вычегодско-Вымская летопись обнаруживает значительные расхождения с информацией, содержащейся в Житии Стефана Пермского. Начнем с прозвания “Храп”. В Житии Стефана Пермского оно упомянуто как укорительное прозвище, москвичи осуждаются за то, что они так называли Стефана. В летописи, повествование которой о Стефане несомненно носит апологетический характер, прозвание фигурирует как нейтральное. В Житии Стефана Пермского сокращение Стефаном языческих святыни, построение первых храмов и “препись” с Памом происходят до постановления миссионера в епископы, а в летописи - после. В Житии Стефана Пермского на пермскую епархию нападают “новгородцы ункуйинци разбойники”, а по летописи - “дружишики новгородские” по приказу новгородского владыки. Летопись сообщает о целом ряде событий военно-политической истории, о которых Житие Стефана Пермского умалчивает, а также передает легенду о чудесном ослеплении и исцелении язычников, напавших на Стефана, эпизоде, завершившемся крахом большинства из них.

Надписи и изображения на так называемом посохе Стефана Пермского сделаны после смерти миссионера (последняя упоминается в надписи; в числе изображений имеется сцена его похорон). Сравнительно примитивная резьба и обилие ошибок в надписях указывают на местное происхождение памятника. Очевидно, посох был изготовлен для очередного епископа пермского, поддерживавшего свой авторитет напоминаниями о деятельности его выдающегося предшественника. Показательно отсутствие в написаниях слова “святой”, свидетельствующее о том, что посох изготовлен до официального признания Стефана святым. Во всех надписях Стефан именуется епископом, хотя часть эпизодов несомненно относится ко времени, предшествующему поставления миссионера в епископы.

В надписях и изображениях посоха Стефана Пермского мы находим ряд мотивов, не известных по другим письменным источникам. Это неизвестный эпизод с явлением Стефану “беса в рпзах”(надпись па рукояти посоха); попытка беса потопить ладью со Стефаном, направившимся отыскивать главного языческого идола (“демона”); пасынение “бесом” порчи, вызвавшей болезнь Стефана, по-видимому, приведшую к его смерти. События, представлявшиеся Епифанию Примурому важнейшими - создание грамоты и переводы, а также “препись” с Памом в сохранившейся резьбе посоха не отражены; в надписях нет ни пермских букв, ни слов.

Представленный на посохе эпизод с сокрушением главного языческого идола не соответствует ни Житию Стефана Пермского, ни позднейшим легендам. На посохе Стефан отправляется на поиски идола в ладье ("насаде") с двумя монахами - в Житии он в одиночку разрушает кумирицу, которая находилась рядом с его кельей. На посохе главная святыня, которую сокрушает Стефан - идол ("демон") в виде статуи, в местных преданиях - священное дерево ("прокудливая береза"). Чудо с попыткой беса утопить Стефана в других известных источниках отсутствует, однако сведения о нем, по-видимому, дошли до протопопа Аввакума, который пишет: "...а буде в воду посадят, п ты [боже] яко Стефана Пермского, паки свободинъ мя". Не вполне ясен неизвестный по другим источникам эпизод с огнivом, которое Стефан забыл взять, собравшись сокрушить и сжечь идола (очевидно, речь идет об обычных в фольклоре задержках, когда цель, казалось бы, уже достигнута).

Покорившиеся Стефану после чудесного ослепления и исцеления язычники "присоединяют закон своей и возводили к н[ему]". В данном случае остается неясным, в каком смысле употреблено слово "закон". Во всяком случае данная надпись формально противоречит свидетельству Жития Стефана Пермского "людем беззаконным закон дал еси, не бывши у них закону".

Сцена "идти епскоуп с собором к неверным" еще раз свидетельствует о том, что миссия Стефана не была инцизионным мероприятием, как о том пишет Епифаний. Очень интересно указание на собрание "неверных князей". Житие Стефана Пермского не упоминает туземных князей; возможно, это противоречило феодальному этикету. Предводитель язычников назван "сотником". Скорее всего, Пам совмещал функции волхва (шамана) и князька. Во всяком случае его влияние не соответствовало основному значению титула "сотник" (начальник сотни воинов). По свидетельству Вычегодско-Вымской летописи, под его руководством против Стефана выступило более 1000 воинов. Неясно, может ли Пам быть отождествлен с каким-то из персонажей резьбы посоха. Центральный персонаж с длинной клиновидной бородой среди князей сходен с одним из участников похода. Персонаж, представленный в резьбе посоха в головном уборе евангельских волхвов, как-то связанный с "бесом" и с наведенной на Стефана порчей, отсутствует среди князей и участников похода. Обломок резного щита с изображением представителя высшего духовенства (видимо, митрополита) и двух сцен с участием персонажа в шапке волхва могут быть предположительно связаны с поставлением Стефана в епископы и его спорами с Памом.

Сцена болезни Стефана в сопровождающей надписи связана с порчей, насланной неким "бесом", композиция включает персонажа в шапке волхва. У постели Стефана двое монахов. Поскольку среди изображений и надписей посоха нет указаний на исцеление Стефана и

есть сцена его похорон, очевидно, в данной версии причиной смерти миссионера явилась порча, связанная с туземным волхвом.

Основной пафос версии, представленный на посохе,- осуждение "неверных". Вначале они радуются, что под защитой своих укреплений могут сохранять свою веру; в конце они злорадствуют по поводу смерти Стефана. Такой пессимистический финал "действий" не соответствует ни Житию, ни Вычегодско-Вымской летописи. Оба эти памятника сообщают о том, что вся Пермская земля оплакивала Стефана. Главное событие, отраженное в резьбе - поход "неверных" против Стефана. Смерть Стефана объясняется порчей, очевидно, связанный с чародейством туземного волхва ("беса"). Повидимому, это тот же бес, который ранее пытался потопить ладью со Стефаном. Вместе с отсутствием в резьбе посоха мотивов, связанных с созданием Стефаном письменности, а также пермских букв или слов в составе надписей, все это рисует картину недоверия и враждебности по отношению к местному населению, которые бытовали в среде русского духовенства и монахов, подвизавшихся в земле коми. Очевидно, подобные настроения сыграли определенную роль в том, что главное дело Стефана как просветителя- создание и распространение письменности на древнепермском языке - довольно быстро пришло в упадок и забвение.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

А.М. (архимандрит Макарий). Сказание о жизни и трудах святого Стефана, епископа Пермского. -Спб., 1856.

Дорошин П. Документы по истории коми. Вычегодско-Вымская (Мпсанлю-Евтпхневская) летопись// Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. -Сыктывкар, 1958. -Вып. 4.

Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. -Спб., 1897.

Лыткин В.И. Древнепермский язык. -М., 1952.

Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. -СПб., 1889.

Чернецов А.В. Посох Стефана Пермского // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. -Л., 1988-Т. 41.

Чернецов А.В. "Самотворитель новыя грамоты". Стефан Пермский// Древнерусская книжность (творчество и деятельность Стефана Пермского; естественнонаучные и сокровенные знания на Руси). -М., 1995.

Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. -Спб., 1908.

Baye, baron de. La Crosse de S. Etienne de Perm (XV siecle) // Revue de l'art Chretien. Bruges, 1888.